

полгода назад имени Франсуа Озона в России не знал никто, кроме десятка кинокритиков, колесящих по международным фестивалям. А за пару лет до этого даже у себя во Франции этот режиссер был известен в довольно узких кругах: автор короткометражек с фривольным изображением молодежных нравов. И вдруг как прорвало. Сразу четыре полнометражных фильма Озона прошумели в Канне, Венеции, Берлине и Сан-Себастьяне (два последних - в конкурсе). 33-летнего режиссера стали сравнивать с Бунюэлем, Годаром и Антониони. Ему удалось поставить сценарий Фассбиндера "Капли дождя на раскаленных скалах", что породило еще одно лестное сравнение. Заговорили про особую "зону Озона", которую он успел обжить в современном кино.

Франсуа Озон, «убивший» папу и маму

Глоток Озона

ОЗОН в жизни ничуть не напоминает Пазолини, Фассбиндера, Джармена, ставших жертвами неразборчивых связей, наркотиков и СПИДа. Скромный красивый юноша с благополучной биографией не похож на этих монстров рока (не в музыкальном, разумеется, смысле слова). Не очень похож он и на свои картины. Почему? Именно это я пытался выяснить, когда мы впервые встретились с Озоном в Канне, потом в Москве и еще под Новый год - в Париже. В офисе кинокомпании Озона Fidelite, что по-русски означает "Верность", его рабочий стол завален кассетами со старыми французскими фильмами: узнаю на обложках лица Жана Габена, Мишель Морган, Даниэль Дарье и других звезд 50-х.

- Неужели это и есть тайная страсть авангардиста Озона?

- Готовлюсь к новой картине. Ее действие происходит полвека назад, и я смотрю много фильмов того периода. Сценарий написан по пьесе Робера Тома, популярной в те годы, это комедия с криминальным отливом, она много раз ставилась во Франции.

- Итак, первый исторический фильм в твоём послужном списке?

- Не забывай: "Капли дождя" - это Германия 70-х. Но в принципе да: на сей раз я забрался совсем далеко в историю.

- Ты тогда еще не родился. А все фильмы, что лежат на твоём столе, были очень популярны не только во Франции, но и в России. Потом пришли режиссеры "новой волны" и похерили "папино кино". Неужели ты решил его воскресить?

- Да, деятели "новой волны" заклеили предков - это считалось хорошим тоном. Как и снимать на улицах, в толпе, использовать непрофессиональных или неизвестных актеров, отображать "поток жизни". Но пришло новое поколение, свободное от диктата этих установок. Теперь мы можем выбирать, и для нас нет табу. Например, свой новый фильм я буду снимать целиком в интерьере. В нем будет восемь женщин разного возраста и, представь, ни одного мужчины. (Озон смеется.) Я потерял интерес к мужчинам. Теперь я люблю женщин.

- Восемь (или восемь с половиной) - хорошее число для кинематографиста.

- Достаточно восьми. Они соберутся в одном помещении и станут, словно в детективе Агаты Кристи, выяснять, кто из них убийца. Так что единственный мужчина присутствует в картине в виде покойника. В таком фильме обязательно должны играть звезды. В роли самой старой из героинь, возможно, снимется Даниэль Дарье: она не только жива, но все еще элегантна и обаятельна. Вчера обедал с Катрин Денев, она прочла сценарий, он ей понравился, и теперь жду от нее окончательного согласия.

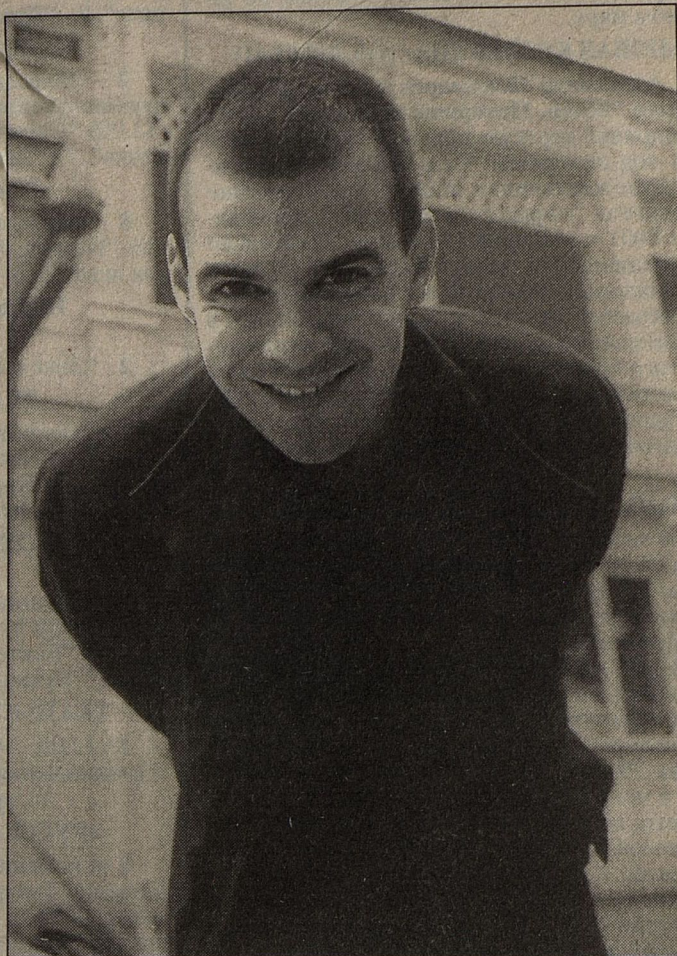
- Но ты же критиковал ее за то, как она сыграла в фильме "Танцующая в темноте". Сказал, что тебе, как француз, невозможно поверить, чтобы Катрин Денев изображала работницу завода.

- Я приглашаю ее совсем на другую роль. Да и фильм будет не как у Ларса фон Триера, хотя в нем тоже есть что-то от мюзикла. Нечто среднее между старым французским (в основном черно-белым) и цветным голливудским кино, немного в стиле Джорджа Кьюкора и Винсенте Миннелли. История будет чисто французской, изображение и цвет - американскими.

К вопросу о семье

- Не может быть, чтобы в твоих фильмах не было ничего автобиографического. Например, в "Крысятнике" с убийственным сарказмом изображена буржуазная семья. Похожа ли она на твою собственную и чувствовал ли ты себя белой овцой в стаде?

- Разумеется, я тот монстр, который убил папу и маму. Еще учась в киношколе - сам не знаю почему - сделал короткий фильм о мальчике, который убил своих родителей. Мальчика играл мой брат, а родителей - папа и мама. Но если



серьезно, мои родители - интеллектуалы из мидл-класса, учителя, преподавали биологию и французский язык.

- Как они относятся к твоему творчеству?

- Оба не очень верили в меня как в кинематографиста, но и не мешали. Сегодня родители бывают радостно удивлены, слыша о моих профессиональных успехах. Они не очень понимают тот тип кино, который я делаю, но принимают как должное. А когда папа читает отрицательную рецензию на какой-нибудь мой фильм, то не на шутку сердится.

- Тем не менее ты сломал семейную традицию.

- Выбор профессии был для меня своеобразным протестом. В школе нам задали тему "Портрет моего друга". Я воспринял это с юмором и изобразил учительницу - довольно уродливое существо. Меня, восьмилетнего, обозвали извращенцем. Позднее посредством кино я научился преодолевать свою замкнутость, выражать то, что называют трансгрессией - отношения молодого человека с уродством окружающего мира. То, что я не мог выразить никаким другим способом. Я научился делать и переживать в кино вещи, запретные в реальной жизни.

- Иначе ты бы стал маргиналом. В кино тебя поначалу восприняли как представителя гомосексуальной субкультуры. И все-таки ты заметно меняешься в более традиционную, классическую сторону - даже если это разочарует некоторых поклонников. Разве молодой публике интересно смотреть про шестидесятилетних? И разве ты не перестал быть культовой фигурой гей-кино, перемещая свой интерес в сторону женщин?

- Я никогда не занимался чисто гомосексуальными темами, всегда - бисексуальными. Женщины меня интересуют не меньше, чем мужчины, - смотря какие. И маргиналом себя тоже не считаю.

- А считаешь ли ты себя частью французской кинематографической "семьи"? У тебя есть близкие друзья-кинематографисты? Ходите ли вы друг к другу в гости, часто ли встречаетесь?

- Нет, мы, французы, - индивидуалисты, у нас это не принято. Кроме того, если говорить о молодежи, она была парализована успехами "новой волны". Только сейчас можно сказать, что новое поколение расправилось с "папой" Годаром.

Андрей ПЛАХОВ,
корреспондент "Коммерсанта".
Специально для "АиФ"